

ПУТЬ В АМЕРИКАНИСТИКУ

© 2017 г. **В.К. Пархоменко***

Статья поступила в редакцию 15.04.2017.

Для меня, как, возможно, и для многих других бывших и нынешних сотрудников, 50-летний юбилей Института США и Канады стал поводом не столько для ностальгических воспоминаний о годах юности, сколько для размышлений об осуществлённой мечте связать свою судьбу с этим научно-исследовательским учреждением, ставшим для нас второй "альма-матер". Впервые я услышал о существовании Института США осенью 1967 г., будучи студентом третьего курса факультета международных отношений МГИМО. Однообразие моей студенческой жизни (институт, лекции, семинары, общежитие и т.д.) скрашивало участие в качестве художника-оформителя в выпусках стенгазеты "Международник", редактором которой был доцент кафедры мировой экономики, будущий заместитель министра иностранных дел СССР Э.Е. Обминский. Сам выпускник МГИМО и талантливый журналист, он был для нас старшим товарищем и наставником, проявлявшим живой интерес к каждому из членов возглавляемой им редакции. Для меня, иногороднего студента, столь чуткое отношение было особенно дорого. Именно Эрнест Евгеньевич, зная о моём намерении – по его же совету – поступать в аспирантуру после окончания МГИМО, рассказал о принятом в ЦК КПСС решении о создании Института США. Поскольку со второго курса часть студентов нашей академической группы начали готовить как американистов, меня эта новость заинтересовала. Об этом я рассказал моему товарищу из академической группы Владимиру Олеговичу Печатнову, ныне известному историку-американисту, заведующему кафедрой истории стран Европы и Америки Университета МГИМО. Однако до нашего близкого знакомства с Институтом США было ещё далеко, и мы продолжали учиться "на американистов", изучая экономику, конституционное право США и ряд других предметов.

Год спустя, уже на четвёртом курсе, я прочёл на доске объявлений о предстоящей встрече в МГИМО с сотрудниками Института США. Разумеется, я рассказал об этом Володе Печатнову. В указанный день мы и другие студенты пошли на эту встречу. Представляли Институт США заместитель директора Е.С. Шершнёв, заведующий сектором Ю.С. Фанталов и научный сотрудник Л.И. Швецова. Они рассказали нам о поставленных перед Институтом США задачах и предложили присутствующим студентам принять участие в его рабо-

* ПАРХОМЕНКО Валентин Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра региональных проблем Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (vkpb2@mail.ru).

те. Для более конкретного разговора о возможных формах сотрудничества Е.С. Шершнёв пригласил всех желающих приехать в Институт США на беседу. Через несколько дней мы с В. Печатновым впервые пришли в Институт США. Переступив порог главного здания в Хлебном переулке, мы увидели, что там полным ходом шёл ремонт: полы были застелены бумагой, стены и потолки пахли свежей краской и побелкой. Е.С. Шершнёв принял нас приветливо. Он сказал, что на первом этапе нашего участия в работе Института дирекция просит поработать в спецхранах главных научных библиотек Москвы – Библиотеки им. Ленина, Фундаментальной библиотеки по общественным наукам (ФБОН), Библиотеки иностранной литературы – на предмет изучения американской советологии, т.е. книг и периодики, посвящённых СССР. Поскольку подавляющее большинство зарубежных книг и статей на эту тему относилось тогда к материалам ограниченного пользования и помечалось так называемыми "шестигранниками", то нам, как сказал зам. директора, будут выданы оформленные Институтом письма-допуски в спецхраны вышеуказанных библиотек. Столь серьёзный подход к нам, студентам, и предложение об участии в работе Института нас обрадовали, и, получив в тот же день эти письма, мы в свободное от учёбы время стали постоянными читателями этих спецхранов.

Когда ближе к окончанию четвёртого курса встал вопрос о преддипломной практике, мы с Володей однозначно выразили желание, чтобы нас направили в Институт США. Об этом мы информировали и весьма уважаемого нами старшего преподавателя В.М. Кулагина, который вёл курс внешней политики США в нашей академической группе. Ученик известного историка-американиста – профессора Николая Николаевича Яковлева, он не только поддержал наши намерения, но и переговорил по этому поводу в отделе кадров. Владимир Михайлович также посодействовал, чтобы мы, как практиканты, были направлены к Н.Н. Яковлеву, который тогда заведовал сектором советологии в этом Институте.

В сентябре 1969 г. началась наша преддипломная практика в Институте США. После почти годичного ознакомления с американской советологией мы уже предметно знали, что она, как, впрочем, и вся западная историография об СССР, представляет собой сложный симбиоз таких направлений в исследовательской деятельности, как политология и социология, политэкономия и демография, социальная психология, правоведение, искусствоведение и лингвистика. Центральное место в перечне научных дисциплин, с которыми нам предстояло продолжить исследовательскую работу, занимала историческая советология, т.е. исторические исследования американских авторов о советском обществе и государстве, его экономике и народном хозяйстве, устройстве и функционировании государственной и политической системы СССР, советской внутренней и внешней политике.

Помимо нас, практикантов, в секторе советологии было ещё двое сотрудников. Они в основном занимались подготовкой своих кандидатских диссертаций, и Николай Николаевич не стал обременять их дополнительными заданиями. Зная о нашем заделе по части советологии, он полностью доверил эту работу нам, практикантам. Перед нами была поставлена задача – продолжить составление персональной картотеки на ведущих американских советологов, систематизировать их подходы к изучению советской истории и действительности, а также написать краткие аннотации на самые известные работы этих авторов. Итогом нашей преддипломной практики должно было стать законченное плано-

вое исследование сектора по вышеперечисленным проблемам, которые относились к этой крайне политизированной сфере американской историографии и выполняемой ею главной функциональной роли по выявлению образа вероятного противника в лице Советского Союза. Включившись в эту работу, мы с пониманием следовали наставлениям руководителя нашей преддипломной практики. Нам импонировал прямой независимый характер Н.Н. Яковлева, самостоятельность его идей и суждений по многим проблемам истории США, принципиальность, открытость и компетентность. Николай Николаевич, или, как мы его между собой называли, – Ник. Ник. досконально разбирался в исследуемой нами проблематике и давал нам немало полезных советов. Он всегда читал, если мы обращались с такой просьбой, написанные от руки наши первые "пробы пера", критиковал, если находил в них какие-либо недочёты или ошибки. Профессор сразу же нас предупредил, что используемые в работах многих тогдашних критиков американской советологии пропагандистские штампы, характеризующие в разоблачительном духе деятельность "фальсификаторов" ("махровые антисоветчики", "силятся доказать", "клеветуют", "хотят разобраться, но не могут" и т.п.) должны быть исключены, поскольку необходим был предметный разбор и аргументированная критика наших идеологических противников.

Благодаря Н.Н. Яковлеву мы вскоре получили возможность работать не только в спецхранах Библиотеки им. Ленина, ФБОН, Библиотеки иностранной литературы, но также в читальных залах библиотеки Института общественных наук при ЦК КПСС, где вообще не было никаких ограничений в плане ознакомления с любыми публикациями западных авторов, даже крайне антисоветского толка.

В ходе критического изучения работ американских советологов особое внимание с нашей стороны было уделено анализу методологических основ советологии, изменениям в подходах американских исследователей к изучению Советского Союза. В основе этой корректировки, как нам становилось всё яснее по мере ознакомления с такой литературой, лежало стремление некоторых американских советологов к более непредвзятому, взвешенному изучению исторических фактов, явлений и процессов, в результате ввода в научный оборот новых архивных материалов, применения новых методов исследования. Всё это в значительной степени способствовало также радикальному изменению ряда точек зрения на те или иные события прошлого советского опыта и на прогнозы эволюции нашей страны в настоящем и будущем. Мы часто с В. Печатновым обсуждали этот феномен.

Основная борьба в тот период разворачивалась, как нам представлялось, между американскими советологами и политологами относительно целесообразности дальнейшего применения при анализе общественно-политических процессов в СССР теории "советского тоталитаризма". Возникшая в годы "холодной войны", эта концепция строилась на сравнении и противопоставлении советского государства западной парламентской демократии. Американские советологи-тоталитаристы (А. Улам, М. Фейнсон, У. Лакер, Р. Пайпс и др.) в методологическом отношении основывали свои труды на работах таких известных коллег – советологов и политологов, как Х. Арендт, Зб. Бжезинский, К. Фридрих, А. Айнкелес, которые, собственно, и разработали главные принципы этой концепции. Суть её заключалась в утверждении репрессивной, тоталитарной природы советского государства, его принципиальной неизменности, абсолютной верхушечности советской политики. Одним из краеугольных

камней "тоталитарной" концепции советской истории было также механическое отождествление её теоретиками сталинизма с фашистскими режимами Германии и Италии. Советский общественно-политический строй рассматривался её адептами как застывший, неизменный и "имманентно враждебный" Западу и экспансионистский по своему характеру. Исходя из этих представлений они говорили о "советской угрозе" (в прошлом, настоящем и будущем), отвергали возможность длительного сближения между США и СССР.

Необходимость пересмотра "тоталитарной" концепции советского общественно-политического строя обозначилась в работах американских советологов, посвящённых эволюции советского общественно-политического строя после смерти Сталина и резкого снижения роли репрессий в качестве основного инструмента советской политики. И если в 1950-е годы некоторые советологи по инерции ещё говорили о новом лице советского тоталитаризма (А. Улам) или "тоталитаризме без террора" (А. Кассофф), то в 1960-е годы в американской советологии появился целый ряд альтернативных тоталитаристскому подходу теорий, таких как концепция "развития" и "модернизации" (Дж. Каутский, С. Блэк), теория "бюрократического" или "административного общества" (А. Мейер). Отказавшись от фундаментального "тоталитаристского" тезиса о монолитности и неизменности советского режима, они стали выделять в нём "группы интересов", пытающиеся приспособить советский государственный и партийный аппарат к меняющимся условиям. Отдельные критики "тоталитарной" концепции предлагали выработать новые, менее политизированные подходы к изучению советской истории. Теория "модернизации" вообще ушла от политики, положив в основу изучения советского общества тип и уровень его экономического развития. Разумеется, при этом не могло быть и речи о сравнении СССР с канувшими в Лету фашистскими режимами. В рамках теории модернизации советское общество и государство сопоставлялись с развивающимися странами Азии и Латинской Америки.

Кризис советологии, совпавший по времени с политическим кризисом в США, вызванным войной во Вьетнаме, а позже Уотергейтом, обострял конфликт между адептами концепции тоталитаризма и сторонниками теории модернизации советского общества.

Как показали наши исследования, новые подходы к изучению Советского Союза завоевывали всё больше сторонников в исторической советологии США. В годы, предшествующие политике разрядки, это отражало усиливающуюся тогда тенденцию к спокойному и непредвзятому, извлеченному от политической конъюнктуры подходу в оценке поведения Советского Союза на международной арене и перспективам обоюдовыгодного сотрудничества двух стран в интересах всеобщей безопасности. Это стало, очевидно, главным практическим выводом в положительной оценке дирекцией Института аналитических материалов, подготовленных в ходе нашей преддипломной практики. Об этом нас информировал Н.Н. Яковлев и представил меня и В.О. Печатнова директору Института США Г.А. Арбатову. Поблагодарив нас за проделанную работу, Георгий Аркадьевич предложил нам поступать по окончании МГИМО в аспирантуру. Разумеется, мы были рады этому предложению, равно как и нашей первой совместной научной публикации – "Американские советологи и их взгляды" во втором номере институтского бюллетеня "Соединённые Штаты

Америки" за 1970 г. Кроме того, на основании наработанных материалов мы подготовили и успешно защитили свои дипломы.

Однако нашему обоюдному желанию поступить в 1970 г. в аспирантуру Института США не суждено было сбыться. У военной кафедры МГИМО были иные планы относительно как нас, так и некоторых других наших однокурсников на ближайшие два года. Ввиду продолжавшейся на Ближнем Востоке в начале 1970-х годов военной конфронтации Египта с Израилем и оказываемой тогда Каиру и его арабским союзникам помощи со стороны Москвы поставками военной техники и вооружения, а также отправкой наших советников и инструкторов, Министерству обороны СССР требовались военные переводчики, причём не только с арабским языком. Поэтому, как не служивших в армии до поступления в вуз, меня и В.О. Печатнова при распределении направили в распоряжение 10-го Главного управления Генштаба ВС СССР, где нам было предложено пройти военную службу за рубежом. Расстроенные таким поворотом в судьбе, мы, тем не менее, решили переговорить с пригласившим нас ранее в Институт США зам. директора Е.С. Шершнёвым. Евгений Сергеевич нас успокоил и сказал, что предстоящая военная служба – это всего лишь отсрочка по времени. По её окончании нам будет предоставлена возможность поступить в аспирантуру.

В сентябре 1970 г. мы были командированы в Судан. В. Печатнова оставили в Хартуме, а меня направили в Порт-Судан. Большую часть багажа, с которым я прибыл на место службы, занимала литература по истории и внешней политике США, которая очень пригодилась мне для подготовки в аспирантуру.

Два года военной службы прошли быстро, и ближе к её окончанию, в июле 1972 г., я послал письмо в Институт США на имя Г.А. Арбатова с просьбой допустить меня к начинающимся в сентябре экзаменам в аспирантуру. Я очень надеялся, что к этому времени буду в Москве. Однако уволиться с военной службы я, как и остальные мои товарищи, офицеры-переводчики, мог только после приезда замены, а она запаздывала. Шли дни, близился конец августа, затем наступил сентябрь, а замены всё не было, и я потерял надежду на поступление в аспирантуру в том году. Наконец, заменившая нас группа военных переводчиков ближе к середине сентября прибыла в Порт-Судан, и 14 сентября я прилетел в Москву. Бросив вещи в гостинице и взяв такси, уже через полчаса я был в Институте, где меня принял Г.А. Арбатов. На вопрос, дошло ли до него моё письмо относительно допуска к экзаменам в аспирантуру, Георгий Аркадьевич ответил утвердительно и, упреждая мои дальнейшие расспросы, добавил, что, хотя экзамены уже начались, он допускает меня к ним. Он тут же позвонил ответственному за приём в аспирантуру Ю.С. Фанталову, дав ему указание включить меня в экзаменационную группу и оформить соответствующие документы. Воодушевлённый столь чутким ко мне отношением директора и радостным поворотом в своей судьбе, я через пару минут "взлетел" на третий этаж в кабинет Фанталова. Юрий Сергеевич сказал, что уже сдано два экзамена: по специальности – истории США и иностранному языку и через несколько дней группе предстоит заключительный экзамен – по истории КПСС.

К экзаменам по специальности и языку я был готов и в течение двух последующих дней сдал их на "отлично". Определённую трудность представлял

для меня лишь экзамен по истории КПСС. Однако, скупив по этому предмету последние издания книг и проведя бессонную ночь в запоминании всех дат и фактов, касающихся очередных и внеочередных съездов и пленумов ЦК КПСС и принятых на них "исторических решений", на следующий день я сдал на "отлично" и этот экзамен. Так исполнилась моя мечта: я поступил в аспирантуру и возвратился в сектор Н.Н. Яковлева, который был переименован и назывался теперь "сектор по изучению современной политической мысли США". В нём уже работал В.О. Печатнов. Он был демобилизован раньше, чем я. По окончании отпуска в 1971 г. его оставили на некоторое время в Генштабе, а затем командировали в Египет. После принятого президентом Садатом в июле 1972 г. решения отозвать из страны советский военный контингент, В.О. Печатнов возвратился в Москву. Уволенный вскоре с военной службы, он был принят на работу в Институт США в качестве старшего научно-технического сотрудника (лаборанта) в сектор Н.Н. Яковлева. Через два месяца под руководством Николая Николаевича мы приступили к новому проекту сектора – написанию коллективной монографии "США: политическая мысль и история", две главы которой легли в основу наших кандидатских диссертаций.

Так в итоге сложились судьбы двух выпускников МГИМО, поставивших перед собой ещё в студенческие годы цель – начать свою научно-исследовательскую работу в образованном 50 лет тому назад Институте США, который с 1974 г. изучает ещё и Канаду.

В силу разных жизненных обстоятельств в 1978 г. мне пришлось уйти из Института США и Канады на государственную службу. Перед этим у меня состоялся разговор с Г.А. Арбатовым. Внимательно выслушав меня и дав ряд добрых советов относительно моей будущей работы, в том числе из своего личного опыта, он также сказал, что дорога в Институт для меня всегда открыта. "Возвращайся, когда надумаешь", – сказал он на прощанье. Я всегда помнил эти слова. И где бы мне после этого ни приходилось работать – в Москве или за рубежом, я всегда мысленно возвращался к творческой атмосфере Института США и Канады, его прекрасному коллективу и не терял надежды, что когда-нибудь вернусь в свою вторую "альма-матер", что и случилось через 33 года.

50th Anniversary of ISKRAN

The Way to American Studies

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 6, p. 83-88)

Received 15.04.2017.

PARKHOMENKO Valentin Konstantinovich. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation (*vkpb2@mail.ru*).

About the author:

PARKHOMENKO Valentin Konstantinovich, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher.